

пропаганды Я. Минкявичюс особенно выделяет один: ложное обвинение коммунистов в том, что они-де, выступая против религии, тем самым наносят ущерб национальному своеобразию каждого народа. Клерикальный национализм и антикоммунизм утверждают, что при социализме «искусственно разрывается естественная связь нации и религии» (стр. 181). «В упадке религии они (антикоммунисты-клерикалы — С. Т.) видят падение национальной культуры и культуры человечества вообще» (стр. 182). В противовес этим ложным взглядам, Минкявичюс с фактами в руках указывает на успешное разрешение национального вопроса именно при социализме. «Социальная дифференциация и социальный динамизм сужают почву конфессионального фактора, ибо люди объединяются (или разъединяются) все больше не по религиозным (и даже не этническим) признакам, а по жизненно важным вопросам их социального бытия» (стр. 202—203).

Есть ли недостатки в разбираемой книге? — Есть, конечно, но по большей части несущественные.

Можно говорить, напр., о нечеткости некоторых формулировок у автора, что ведет местами к неясности мысли (стр. 40, 75, 82, 136, 139 и др.); есть и прямые ошибки — напр., утверждение, что все «мировые религии» монотеистичны (стр. 23). Можно говорить и о некотором (местами) соскальзывании к упрощенному схематизму: таково некорриктное повторение автором 3-ступенной схемы «племя — народность — нация» (стр. 26, 66) — схемы, никем ни разу не обоснованной. Есть и досадные пробелы: уже говорилось о конкордате Пий XI — Муссолини — как ярком образчике сделки между духовной и светской властью, к сожалению, не освещенном в книге; хотелось бы также найти здесь данные о состоянии религии и церкви в современном Китае, в Кампучии, в Албании и некоторых других странах (см. авторскую оговорку на стр. 142).

Но в целом, как уже говорилось выше, — перед нами ценная и полезная книга.

С. А. Токарев

W. F. Mackey. *Bilinguisme et contact des langues*. Paris, 1976, 539 p.

Перед нами исследование, выполненное при Университете Лавала в Квебеке, в Международном центре изучения билингвизма. В. Ф. Макей известен изданием библиографии и рядом других публикаций по этой проблематике, включая работы о канадском билингвизме.

Книга построена следующим образом: «Предисловие» (стр. 7—8), «Введение» (стр. 9—10) и три части: «Контакты народов» (стр. 11—198), «Контакты языков» (стр. 199—368), «Индивидуальный билингвизм» (стр. 369—448). Книгу заключают два дополнения — статистическое (стр. 451—466) и юридическое (стр. 467—526), алфавитный указатель и списки иллюстраций, которых в книге много (таблицы, схемы, карты). Каждая часть подразделяется на главы, всего в книге 15 глав.

В работе анализируются внешелингвистические и внутрелингвистические факторы; она представляет интерес прежде всего в социо- и этнолингвистическом планах, широко охватывая становящиеся все более актуальными ситуации билингвизма в разных странах.

Книга является своеобразным комpendиумом, своего рода энциклопедией знаний разного характера о билингвизме: индивидуальный и школьный билингвизм, этнические смещения («бизтнизм»), классификация типов билингвизма, системный анализ лингвистических факторов двуязычия и интерференций.

В литературе о билингвизме и контактах народов и языков работа с таким большим охватом материала и проблем появляется впервые. Так, впервые делается попытка дать типологию этнических и лингвистических интерференций. Проведенный автором анализ связан с историческими данными и с материалами о современных контактах народов; исследуются также понятийные контакты и интерференции.

В «Предисловии» В. Ф. Макей пишет, что в качестве отправной точки исследования взяты языки и народы, которые на этих языках говорят. Автор подчеркивает, что предметом исследования являются лингвистические проблемы, возникшие в результате интерлингвистических контактов, а не проблемы психологические, которые составляют предмет психолингвистики. Что касается методов исследования, то применяется разработанная автором методика, основанная на количественной дифференциации. Эта методика возникла в результате обращения к материалу, в известной мере междисциплинарному.

Во «Введении» В. Ф. Макей отмечает все большее расширение понятия о билингвизме с начала XX в. Долгое время представлялось, что билингвизм — это в одинаковой мере владение двумя языками. Подобное ошибочное представление встречается иногда и сейчас, например в известном «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо (1951). После анализа ряда определений, принадлежавших Л. Блумфилду, Э. Хаугену и А. Р. Дибольду, автор формирует свое определение билингвизма как «чередования двух или более языков» (стр. 9). Для того чтобы индивид мог пользоваться двумя или более языками, следует предположить существование двух или нескольких различных одно-

язычных обществ (communautés unilingues différentes). По мнению В. Ф. Макея, «одно независимое двуязычное единство не имеет оснований оставаться двуязычным, поскольку замкнутое общество, где свободно владеют двумя языками и используют их для всех целей общения, могло бы в равной мере существовать и с одним языком» (стр. 9). Билингвизм рождается в двух вариантах — как явление индивидуальное и как явление групповое, интерлингвистическое.

Для описания двуязычия, как считает В. Ф. Макей, надо выйти за пределы собственно лингвистики. Отсюда привлечение смежных общественных наук — психологии, социологии и педагогики, для которых билингвизм является маргинальной проблемой и представляет интерес только в отдельных случаях или как исключение из нормы.

Наиболее существенны для исследования билингвизма, как справедливо пишет автор, проблема контактов народов (главным образом причины и последствия этих контактов), которая составляет содержание первой части книги, а также разные межлингвистические отношения как следствие этих контактов — предмет исследования второй части книги, в которой автор широко использует количественную методику для определения межъязыковой дифференциации. Эта методика, пишет В. Ф. Макей, даст возможность рассмотреть индивидуальный билингвизм, результатам исследования которого посвящена третья часть. Таким образом, построение книги обусловлено концепцией автора.

Остановимся подробнее на первой части — «Контакты народов», в которой в большей мере, чем в остальных частях, анализируются этнографические материалы. Эта часть состоит из семи глав. В первой главе «Универсальность проблемы» даны общие сведения о билингвизме в разных странах. Приведены примеры, иллюстрирующие этот процесс в его становлении в настоящее время, а также общезвестные случаи исторического развития билингвизма. В свете понимания автором билингвизма ставится вопрос о соотношении литературных языков и диалектов, хотя сами диалекты не входят в круг изучаемых языковых статусов. «Если бы диалекты входили в наше исследование, то количество возможных билингвов значительно увеличилось бы», — пишет В. Ф. Макей (стр. 15). Последовательно выделяются языки мира, на которых, судя по статистическим данным, говорит большая часть населения мира: 70% говорит на 12% существующих языков, в том числе на английском, хинди, урду, испанском, русском, бенгальском и др. (стр. 16). Отмечаются «сильные языки» — национальные языки, для которых «политическая и индустриальная сила наций ... гарантирует их силу и престижность. Это английский, французский, немецкий и русский; в меньшей степени — японский, китайский, испанский, итальянский и некоторые другие» (стр. 19). В первой главе автор ставит проблему политических и лингвистических границ (стр. 20), освещаются также многие другие вопросы.

Обращаясь к истории, В. Ф. Макей отмечает случаи билингвизма в античности, перечисляя древнеримских авторов — уроженцев покоренных римлянами областей, писавших на латинском языке (стр. 21). Автор рассматривает доминирование того или иного европейского языка на международной арене в разные исторические эпохи (латинский язык — в XII в., французский — в XIII—XIV вв., а также в XVII—XVIII вв., итальянский язык — в XV—XVI вв., английский — в XIX в.) как примеры исторического билингвизма (стр. 22).

Для современного билингвизма характерна массовость. Процесс формирования билингвизма в массовом масштабе иллюстрируется на примере иммиграций. Автор отмечает наличие островов билингвизма в форме переселений, колоний и общественных организаций иммигрантов в таких странах, как США, Великобритания, Франция.

Вторая глава «Сложность проблемы» начинается с выведения автором общих параметров билингвизма, которые он группирует в три основные рубрики: 1) распределение билингвистических групп населения, 2) степень стабильности билингвизма, 3) функция билингвизма (стр. 26). Распределение двуязычного населения в стране может представляться в виде его территориальной концентрации (Ирландия), рассредоточенности (большинство районов Южной Африки), ежедневного контакта (Бельгия), концентрации в сельской местности (полуостров Малакка — стр. 26). Стабильность билингвизма на данной территории, указывает автор, зависит от политических, социальных и демографических факторов. Постоянное изменение этих факторов может привести к быстрому росту билингвизма (Южная Африка) или к его исчезновению (Норвегия). Функционирование билингвизма зависит от степени практического владения языком (способность билингвов говорить и читать на двух языках или выполнять только одну из этих функций).

Автор отмечает, что язык завоевателей распространяется на завоеванной территории, если культура завоевателей выше культуры завоеванных народов. Одним из источников билингвизма может быть насильственное преподавание языка (например, французского в Великобритании в XIII в.). Толчком к увеличению количества говорящих на данном языке или его уменьшению может послужить бурное промышленное развитие; одна из причин — вымирание части населения вследствие эпидемий и голода. Развитию языка способствуют религиозные доктрины: так, христианство способствовало широкому изучению и распространению латинского и греческого языков, буддизм — санскрита, ислам — арабского языка (стр. 31). Толчком к освоению того или иного языка в настоящее время является также большой объем сведений на данном языке, получаемый через средства массовой информации.

Автор обращает внимание и на явление, противоположное билингвизму, — лингвистическую стабильность. Стабильность определяется несколькими факторами: сохранением контактов лингвистического ареала с основной областью распространения языка (например, латинский язык не исчезал столетиями во всех частях Римской империи из-за постоянных связей метрополии с размещенными в них легионами), огромным влиянием данного языка на развитие культуры (греческий язык), изоляцией какого-либо языка (например, ретороманского или ирландского), исключаяющей возможность его поглощения. В заключение второй главы Ф. В. Макей отмечает, что влияние билингвизма на развитие общества многогранно и зависит от конкретных условий страны (например, сближение наций и уничтожение национальных перегородок в СССР и Чехословакии — стр. 39).

В предисловии к третьей главе «Актуальность проблемы», касающейся формы проявления билингвизма в настоящее время в различных странах, автор определяет круг интересующих его явлений: сепаратистские движения национальных меньшинств, создание национальных органов самоуправления (стр. 42). Автор отмечает значительное усиление активности движений национальных меньшинств в мире в 70-х годах XX в. Рассматриваются параллельно как большие и важные процессы современные эмиграция и иммиграция, вызванные экономическими и социальными причинами. В качестве примеров приводятся серьезные этнические трансформации в странах современной классической иммиграции (США, Австралия, Бразилия, Канада) и даже в такой европейской стране, как ФРГ, где в конце 70-х гг. насчитывалось более миллиона рабочих-иммигрантов (наиболее многочисленны итальянцы — 350 тыс., затем югославы — 326 тыс. и турки — 290 тыс. — стр. 57). В. Ф. Макей останавливается на трудностях этнического и лингвистического характера, возникающих при образовании в настоящее время мультинациональных экономических и политических организаций (ЕЭС, НАТО, Евратом) или государств-федераций (опыт образования Объединенной Арабской Республики). Автор считает, что образование наднациональных органов управления является характерной тенденцией третьей четверти XX в. наряду с движениями самоопределения и сепаратизма.

В конце третьей главы В. Ф. Макей отмечает, что две силы характеризуют в основном национальные движения: центробежная (различные виды сепаратистских движений) и движения за самоопределение и центростремительная (мультинациональные организации и стремление к национальному единству).

В главе четвертой «Состояние билингвизма» автор конкретно рассматривает экономическое и политическое положение двуязычного населения в различных странах. В разделе данной главы «Лингвистические критерии национализма» (стр. 69—72) В. Ф. Макей отмечает, что в конце средних веков в большинстве европейских государств, вследствие усиления светского характера власти, символом национального чувства становится лингвистический критерий, заменивший религиозный критерий. Показателем этнической общности людей в то время была их принадлежность к определенной лингвистической группе, а не к форме вероисповедания. Автор считает, однако, что и в настоящее время религиозная общность, в сочетании с лингвистической общностью, играет существенную роль в формировании этнической солидарности и требований самоопределения. Примером является положение франкоговорящих католиков в Канаде, проиллюстрированное схемой, приведенной на стр. 71. Схема, в частности, показывает, что в провинции Квебек, где франкоговорящее население составляет более 60%, около 80% жителей исповедуют католицизм, в то время как из всех других провинций Канады (англоговорящих) только в Нью-Брансуике некоторое число жителей (около 5%) являются католиками.

Далее автор выделяет различные исторические типы лингвистической политики, появление которой вызвано лингвистическими контактами народов:

1) политика европейских языков в Австралии и Южной Африке, где в ходе колонизации они получили преимущественное развитие по сравнению с местными языками (билингвизм в Южной Америке и Канаде — следствие соперничества капиталистических держав — стр. 73);

2) политика больших лингвистических групп, составляющих как бы билингвизм второй степени в регионах, упомянутых в первом пункте (например, по отношению к украинскому языку в Канаде или немецкому в Бразилии — стр. 73);

3) политика сосуществования европейских языков с местными языками в бывших колониях, в тех случаях, когда налицо высокий уровень культуры коренных народов, а также существование там письменности (в таком случае возникает «принципиальный билингвизм» типа существующего в Индии, Пакистане, Филиппинах, Лаосе — стр. 74);

4) политика, которую В. Ф. Макей называет «традиционным билингвизмом», признающая суверенность языка лингвистических меньшинств (так, особым статусом закреплены права языка маори в Новой Зеландии, немецкого языка — в Бельгии и Дании, языков некоторых народностей Индии и т. д. — стр. 75).

В. Ф. Макей подробно останавливается на конфликтных лингвистических ситуациях в таких странах, как Бельгия (связь лингвистического антагонизма фламандской и валлонской частей населения с экономическими и политическими проблемами страны — стр. 75).

В первой части также подробно характеризуется билингвизм в СССР, где, как пишет автор, он послужил основой для создания равенства между различными национальными группами. Говоря о положении национальных языков в СССР, автор отмечает два типа

двухязычного обучения: первый связан с статьей Конституции СССР, согласно которой каждая нация СССР имеет право на изучение родного языка и организацию национальных школ; второй — одновременное обучение на русском и одном из больших интернациональных языков (английском, французском, немецком и т. д. — стр. 96, 97).

Во второй части книги, посвященной механизму контактов языков, анализируется материал прежде всего современных французского и английского языков. В главе восьмой определяется статус «языков в контакте». Основная мысль автора заключается в том, что языки, независимо от государственного планирования, т. е. независимо от законодательства, имеют свою «лингвистическую силу» (*puissance linguistique*), которая определяется рядом факторов: демографическим, т. е. количеством говорящих — индекс Д; распределением языков — индекс R (*répartition*); мобильностью народа (его передвижениями, включая туризм) — индекс М; идеологическим фактором — индекс I; культурным фактором — индекс С. Перечисленные внемлингвистические факторы, казалось бы, с трудом поддаются квантитативному анализу, однако благодаря умелому выбору основной значимой единицы В. Ф. Макей формирует их удельный вес. Так, например, при характеристике культурного фактора выбирается количество единиц книг в репрезентативной библиотеке (C_1) и книг, изданных за определенный год (C_2). Сумма перечисленных выше шести индексов составляет индекс F (*force*), т. е. индекс «лингвистической мощности языка». Этот индекс вычислен автором для ряда языков.

Краткие статистические данные приводятся на стр. 205 в табл. 7, а в более развернутом виде статистические материалы представлены в статистическом приложении VII (стр. 458—466). Именно эти особенности функциональной, внешней характеристики языка, а не его структуры (формы слов, грамматические особенности) определяют «внутреннюю силу языка» (*puissance innée*). Внутренняя сила языка раскрывается В. Ф. Макеем на ряде примеров. Так, он рассматривает ситуацию в Индии (стр. 200 и сл.), где уже более четверти века законодательная политика оказывается недостаточной, чтобы заменить английский язык языком хинди в качестве национального. Единственным возможным решением, по мнению автора, является развитие и сохранение местных региональных национальных языков при едином государственном национальном (мы бы предпочли сказать «международном») языке — английском). Автор указывает также на аналогичную лингвистическую ситуацию в Ирландии.

Хотя положение языков (их статус) определяется внешними факторами, их различия зависят исключительно от внутренних, собственно лингвистических факторов (стр. 221). Изучению численной меры этих различий и посвящены остальные главы второй части книги; лишь в последней, тринадцатой главе исследуется так называемая «концептуальная интерференция» (*l'interpénétration conceptuelle*), иллюстрируемая примерами из разных семантических полей, для которых она наиболее свойственна — понятия одежды, пищи, игр, средств транспорта (стр. 338—368).

Часть третья, посвященная индивидуальному билингвизму, подразделяется на две главы. В главе «Вариативность билингвизма» анализируется степень взаимопонимаемости, т. е. функции билингвизма, непосредственно связанные со сферой языковых контактов (вариативность в семье, обществе, школе, средствах массового распространения языка — радио, телевидении, печати, звукозаписи — стр. 375). Индексы, анализировавшиеся во второй части книги (экономический, демографический, культурный и др.), учитываются и здесь, наряду с некоторыми новыми, такими, как длительность контактов, возраст говорящих, их память, способности, ум и т. д. В главе «Поведение билингва» показано, где, когда и в какой мере употребляется каждый из языков. Речь идет о всевозможных способах письменного общения (заметки, доклады, письма, поэзия, дневники), устной групповой речи (общая молитва, театральное представление) или внутренней речи (сон, закливание, индивидуальная молитва). В заключение главы проводится лингвистический анализ индивидуальной речи (стр. 427 и далее), исходя из последовательного дробления фразы на непосредственные составляющие.

В заключении к книге (стр. 441—448) «Проблемы и методы» подводятся итоги высказанных автором положений.

Книга В. Ф. Макея полно охватывает проблематику; в ней приведен большой иллюстративный материал; она отличается четкостью структуры и единством применяемого метода исследования. Тем не менее она вызывает немало критических замечаний. По главному рецензируемой книги («Билингвизм и контакт языков») и по вступительной части, где на синхронно-исторической основе показаны разнообразные лингвистические ситуации (лишь очень немногие из которых, точнее единичные, подвергаются в дальнейшем хотя бы поверхностному анализу), читатель вправе ожидать исследования фактически имеющих место контактов между разными языками, о которых шла речь в первой части. Для любого лингвиста, в частности интересующегося проблемой интерференций, эталоном хорошего исследования до сих пор была работа У. Вайнрайха «Языки в контакте»¹. Здесь же, по сути дела (за отдельными исключениями), мы видим не анализ, а методику этого анализа, отрабатываемую на хорошо известных языках — французском и английском. При этом чаще всего речь идет не о ситуации возможного контакта в Канаде, а о сравнении языков независимо от интерференций между ними, т. е. независимо от проблем контакта. Установленные при этом с большой точностью «лингвистические измерения» представляют сами по себе большой интерес и, следовательно, могут послу-

¹ U. Weinreich. Languages in contact: findings and problems. N. Y., 1953.

жить эталоном для последующего изучения контактов между языками. Однако в контексте проблематики данной книги они выглядят скорее как прекрасно выполненная глава из сопоставительной грамматики французского и английского языков, тем более что эти языки, не считая Канады, территориально мало соприкасаются — ср. границу между французским и немецким языками, которая пересекает всю Европу. Что касается передвижений, в том числе и туризма, или процесса обучения, то эти факторы (индексы) отнюдь не являются самыми существенными для решения проблемы билингвизма.

Читатель вправе ожидать, что изучение во второй части группового контакта, а в третьей — индивидуального приведет к исследованию контактов на уровне системы языка (2-я часть) и на уровне узуса речи (3-я часть). Однако эти проблемы даже не поставлены в работе.

Уровень индивидуального контакта не исследуется как первый этап контакта вообще, в связи с чем не до конца понятно членение книги на эти две части, казалось бы вполне логичное. Следует отметить, что в третьей части глубже поднимаются вопросы социо- и психолингвистики, в то время как в первых двух больше внимания уделяется собственно лингвистике.

При всем этом в книге впервые дается последовательная типология билингвизма для всех ситуаций языков мира. Важно также и то, что отработанная автором методика исследования (часть 2-я), которая основывается на уже известных методах компонентного и статистического анализа, а также анализа эмпирического материала, с успехом может быть применена при изучении конкретных ситуаций; приводимые квантитативные подсчеты основываются на минимальных значимых единицах языка и излагаются в терминах, уже привычных для современной лингвистики. Как положительный фактор следует отметить, что «слово» в его терминологическом понимании не обесценивается автором рецензируемого труда.

Появление книги В. Ф. Макея «Билингвизм и контакт языков» как своеобразной энциклопедии билингвизма весьма своевременно. Прделанный автором большой труд соответствует духу современной науки, в которой лингвостническая проблематика занимает все большее место. Материалы, собранные в книге, трактованы в духе одного из самых актуальных в наши дни направлений — социолингвистики. Именно потому, что это направление объединяет в себе так называемые «внутрилингвистические» и «внелингвистические» аспекты языка, оно представляет интерес не только для собственно лингвистики, но и для истории и этнографии.

М. А. Бородина, М. Г. Штегман

ЦЕННЫЙ ВКЛАД ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ В ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЫГАН *

Более полутора века длится история цыганологических исследований в Польше. Наиболее ранние публикации в этой области — очерки по истории польских цыган И. Даниловича и Т. Нарбутта¹. Из работ более позднего периода заслуживают внимания материалы Й. Глюзиньского и А. Прохаски, также посвященные прошлому цыган Польши².

Особую страницу в истории польской цыганологии представляют 20—30-е годы нынешнего столетия, когда впервые был опубликован собранный И. Коперницким (1825—1891) богатейший материал по фольклору карпатских цыган южной Польши³ и выступили со своими лингвистическими исследованиями Э. Клич (1878—1939) и Я. Розвадовский (1867—1935)⁴.

В послевоенный период с 1948 по 1965 г. польскую цыганологию представляют два крупных ученых — индолог Т. Побожняк, опубликовавший ряд работ по цыганской диалектологии, истории и ономастике⁵, и историк и поэт Е. Фицовский, автор многочисленных статей по истории, этнографии и фольклору цыган Польши, которые позднее легли

* «Etnografia polska». Т. 22. Z. 2. Wrocław etc., 1978, 277 s., 10 il.

¹ I. Daniłowicz. O Cyganach wiadomość historyczna. Wilno, 1824; T. Narbutt. Rys historyczny ludu cygańskiego. Wilno, 1830.

² J. Gluziński. Cyganie.— «Kalendarz Polski Ilustrowany» (J. Jaworskiego). Warszawa, 1865; *его же*. Król cygański i Akademia niedzwiedzia.— Там же, 1867; A. Prochaska. Przywileje dla starszyny cygańskiej w Polsce.— «Kwartalnik Historyczny», т. 14, Lwów—Kraków, 1900, s. 453.

³ I. Kopernicki. Textes tsiganes. Contes et poésies. Kraków, 1925—1930.

⁴ E. Klich. Fonetyka cygańszczyzny rabczańskiej.— «Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski», v. I. Cracoviae, 1927; *его же*. Wpływy języka polskiego na dialekty Cyganów polskich.— «Prace filologiczne», т. 12, Warszawa, 1928, s. 335; *его же*. Cygańszczyzna w «Chacie za wsią» Kraszewskiego.— Там же, т. 15, 1931, cz. 2; J. M. Rozwadowski. Wörterbuch des Zigeunerdialekts von Zakopane. Kraków, 1936.

⁵ T. Pobozniak. Spółgłoski płynne w dialektach cygańskich.— «Sprawozdania PAU», т. 49, № 7, Kraków, 1948, s. 350—352; *его же*. Imiona Cyganów polskich — «Onomastica»,